

Идея и эйдос в ОАСМ Лосева как символы методологического синтеза, способного заложить основы «дискурса адекватности»

Гоготишвили Л.А., Институт философии РАН
iosiffridman@yandex.ru

Аннотация: В статье выявлены содержащиеся в ОАСМ *дискурсивные* инновации Лосева: намечен синтез феноменологии и диалектики; выработан новый подход к оценке соотношения между языком математики и естественным языком; выявлен феномен антиномического расщепления интенции (в противовес уже широко изученному процессу расщепления интенции). На основании этих инноваций в статье зафиксирован идейно-тематический сдвиг в позиции Лосева, имевший место на рубеже между ранним и срединным творчеством философа. Этот сдвиг характеризуется перенесением фокуса внимания с языкового, выразительного и коммуникативного сознания — на неязыковое, не выразительное и не коммуникативное сознание, математическое по своей природе. Реконструирована намеченная Лосевым версия «дискурса адекватности», основанная на применении к философии математической аксиоматики.

Ключевые слова: антиномическое расщепление интенции, нерасщепляемость интенции, синтез диалектики, феноменологии, математики и языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *Новый виток размышлений о Лосеве: очевидное и гипотетическое.* 2. *Выражение/понимание/чистая мыслимость.* 3. *Дискурсивная инновация Лосева.* 3.5. *Двухаттенциональность интенции.* 4. *Диалектическая пара или двоица?* 5. *Лосевский тип сосуществования математики и гуманитарных наук.* 6. *Внутренняя цель лосевской дискурсивной инновации.* 7. *Подключение к синтезу типов смыслового самодвижения математической и интуитивно- феноменологической — аксиоматической — дискурсивности.* 8. *Сдвиг в соотношении математического и языкового сознания.*

1. Новый виток размышлений о Лосеве: очевидное и гипотетическое.

1.1. Если наша реконструкция наличествующего в ОАСМ¹ прикровенного математического слоя (ориентированного скорее на современный математический анализ, чем на платоновские представления) верна², появляется возможность высказать предположение о конечной цели предпринятых в ОАСМ усилий. Общая последовательность строения работы и ее крупные смысловые блоки свидетельствуют,

---

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. 1930. В дальнейшем ОАСМ.

² Она изложена в статье Гоготишвили Л.А. На подступах к разгадке лосевской интерпретации идеи и эйдоса у Платона (в печати).

что замысел Лосева состоял, по-видимому, в синтезе наиболее значимых типологических подходов, что — по замыслу — должно помочь в нахождении алгоритма построения того, что можно было бы назвать «дискурсом адекватности». Путь к такому дискурсу Лосев видит в органичном и вместе с тем глубоко фундированном и всесторонне обоснованном синтезе философских методологий, представлявшихся в то время наиболее авторитетными и перспективными, если их сплести с аксиоматикой. При этом его интересует не только содержательно-предметная составляющая философского дискурса, но и алгоритмы максимального приближения языкового высказывания к «дискурсу адекватности», т.е. как к предметной, так и к операциональной адекватности человеческого мышления как такового. Ранее мною уже была предложена интерпретация лосевской дискурсивной стратегии как политропической (дискурсивная политропия состоит в последовательном проведении всех значимых сем по всем тропированным позициям), здесь будет предложена несколько иная, но схожая по своей глубинной сути интерпретация: замысел Лосева рассматривается в свете идеи всеобъемлющего методологического синтеза.

Именно в таком смысловом контексте *идея* и *эйдос* приобретают у Лосева в ОАСМ статус основополагающих базовых элементов искомого методологического синтеза, главным образом — многоступенчатого синтеза *диалектики и феноменологии*, синтеза логико-математической и символично-мифологической установок. При таком раскладе меняется и функция языка, который трактуется в ОАСМ иначе, нежели в ранних лосевских книгах, о чем будет сказано ниже.

Иными словами, всматриваясь во все аспекты соотношения идеи и эйдоса у Платона, Лосев обнаружил в открывавшихся закономерностях некие базовые («матричные») алгоритмы саморазвития смысла как такового. При рассмотрении этого многоступенчатого лосевского замысла следует обратить особое внимание на два аспекта: синтез *феноменологии и диалектики* и синтез *математики и языка*. Феноменология и диалектика чаще всего выступают не как способные к синтезу, а как неизменно антагонистические подходы. Понятно, что диалектика больше тяготеет к неокантианству. Кроме того, только идея синтеза феноменологии и диалектики представлялась на тот момент *относительно* новой и многообещающей в свете реализации замысла «*всеобщего методологического синтеза*» (можно, конечно, сказать, что этот лосевский замысел восходит к глубоко укорененной в русской традиции идее всеединства, но в лосевском исполнении он приобретает совершенно новое звучание).

1.2. Прежде чем приступить к рассмотрению магистрального для ОАСМ стремления синтеза диалектики и феноменологии (сопровождавшегося существенными изменениями в статусе языка и математики) необходимо осознать значимость того «тектонического сдвига», который произошел в базовых установках Лосева, поскольку именно этот сдвиг придал его построениям отчетливо выраженный инновационный характер. Судя по сказанному ранее, интересующий нас сдвиг был вызван осмыслением роли математической (главным образом — инфинитезимальной) составляющей в человеческом мышлении. Лосев называет эту составляющую

коститутивно значимой для овладения процессом мышления: «*выгоды инфинитезимального подхода к мышлению достаточно выпуклы и осязаемы*»³.

Таким образом, можно с высокой степенью вероятности полагать, что вторая константная установка Лосева — поиск форм саморазвития смысла — в данном случае может мыслиться вкупе с привлечением математического (главным образом инфинитезимального) мышления, обладавшего в глазах Лосева огромным смысловым потенциалом, явно недооцененным на то время в традиционном философском дискурсе. Включение в «формулу самопорождения смысла» — на правах базовой структуры — математической составляющей настраивает исследовательскую оптику на первоочередное выявление во всех видах и разновидностях философского дискурса *математического по типу самодвижения смысла*. Уже в мышлении Платона Лосев усматривает Лосев усматривает смысловые процессы и механизмы, характерные для современного математического анализа (инфинитезимальизма). Не случайно в разделе ОАСМ, посвященном описанию учения Платона об идеях в его систематическом развитии, где зафиксированы пять — по восходящей — ступеней, отражающих, по сути дела, лосевское понимание диалектического процесса самодвижения философской методологии (включая синтез основополагающих категорий), именно **математика** составляет пятую — завершающую — ступень: «б) Пять ступеней... I. Первая ступень, наивно-реалистическая: непосредственно-ощущаемая действительность ... II. Вторая ступень, описательно-феноменологическая: действительность смысла вне фактической действительности, эйдос как описательно и созерцательно данная целость ... III. Третья ступень, трансцендентальная: символ как трансцендентальный принцип ... IV Четвертая ступень, диалектическая: миф как непосредственно ощущаемая и сознаваемая действительность ... V. Пятая ступень, **аритмологическая**: мифическое число как непосредственно ощущаемая и сознаваемая действительность»⁴. Лосев демонстрирует здесь свою приверженность как к антиномике, так и к цикличности (кругу): ведь пятая и первая ступень в некотором смысле смыкаются, хотя антитетика присутствует продолжает присутствовать в нем на каждом шагу.

1.3. Обратим внимание на важное обстоятельство: раньше мы уже читали у Лосева, что непосредственное восприятие действительности — это *миф*, а теперь узнаем, что непосредственно ощущаемая действительность в ее высшем проявлении математична по своей природе («мифическое число», «эйдетическое число»). Принципиальная разница состоит в том, что миф (как данность непосредственного восприятия) не требует *когнитивных усилий, будь то усилия, направленные на понимание фактов (ноэм, символов, имен) или будь то уяснение сюжетности/историчности, в общем смысле суждения (в случае синтетического мифа-высказывания также), в то время как аритмология охватывает сферу не только непосредственно воспринимаемых, но и одновременно активно в себе мыслимых математических чисел, а также различных операций с ними. Без безостановочного*

³ см. «Хаос и структура», <https://math.wikireading.ru/382>; здесь же можно найти подробное изложение лосевских представлений о высокой значимости инфинитезимальной теории для становления *понятия и логики в целом*.

⁴ см., например, здесь: URL:

http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_antichnaja/losev_a_f_ocherki_antichnogo_simvolizma_i_mifologii_1993/7-1-0-1776

мышления неязыковое сознание неработоспособно. И напротив (добавлю от себя): язык может придать мышлению некоторую инерцию длительности мышления без мышления.

1.4. В чем же выгода для философии от математического анализа? В качестве детерминанты мышления инфинитезимализм обладает, с лосевской точки зрения, особыми достоинствами. Выдвигая в середине тридцатых годов тезис «*о преимуществах для мышления инфинитезимализма*» Лосев вводит в уже упоминавшуюся статью «О методе бесконечно-малых в логике» специальный девятый раздел под названием «*Преимущества инфинитезимального учения о понятии в сравнении с традиционным формально-логическим*». Есть там и специальные разделы о дифференциале и интеграле в логике. Лосев дает здесь подробное и развернутое обоснование тезиса «о преимуществах для мышления инфинитезимализма».

Основные бенефициары математики в философии — *понятие и логика*, а если развернуть эту пару по-лосевски, то *субъект и предикат* и/или *имя и дискурс*, а в перспективе – не что иное, как *идея и эйдос*. Что касается выгод языка, то через понятие наследство передается логике, затем синтаксису, затем дискурсу.

1.5. Никак не предполагая входить в существо и детали дела, приведу тем не менее образец лосевского толкования значимости математики для логики (и в перспективе для синтаксиса): «...*так как мышление есть функция многих переменных, то, по примеру математического анализа, мы прежде всего имеем в логике дело с частными дифференциалами, т. е. с дифференциалами в зависимости от какого-нибудь одного независимого переменного. Существует также и полный дифференциал, равный сумме всех частных дифференциалов.* (идея как сумма эйдосов — Л.Г.) *С понятием дифференциала мы входим уже в область серьезного инфинитезимализма в логике. ... Дело в том, что адекватно и целостно отражающее материальную действительность мышление, взятое само по себе (мышление, взятое само по себе — это, так сказать, венец стремлений Лосева — Л.Г.), так же неистоично, так же бесконечно, так же бурлит неисчерпаемыми возможностями, как и отражаемая им материя... Однако и такое целостное отражение вещи, и такая сама вещь есть нечто слишком жизненно-насыщенное, есть нечто сложное и неанализируемое, даже излишнее для обыкновенного мышления, разговора и действия (без эйдосов и языка — Л.Г.), ибо обыкновенное мышление, разговор и действие все же подходят к целостной и неисчерпаемой вещи с какой-нибудь одной или немногих сторон* (выделено мной — Л.Г.). *Поэтому для реального употребления цельного мышления надо его дифференцировать, имея в виду только какое-нибудь одно независимое переменное* (идею, в перспективе — эйдос, слово, понятие, имя — Л.Г.). *Тогда мы получаем не просто производную функцию, но именно т. н. частную производную. То, что в логике носит название понятия* (исход для нашей выстроенной выше цепочки), *есть именно эта частная производная от цельного отражения цельной материальной вещи по одному из тех независимых переменных, которые составляют данную вещь... Но чтобы сохранить в целостности всю логическую специфику чувственного представления, надо его понять как только некое приближение к пределу* (даже само данное имя Первосущности не есть имя или сущность, но только приближение — Л.Г.) *и надо эту предельную величину интегрировать* (приблизить к

идее), чтобы отсюда уже прямо перейти к самой вещи, интегрально данной в существенно отражающем мышлении. Тут, однако, мы переходим к чрезвычайно важным категориям дифференциала и интеграла в логике, которым должно предшествовать развитое учение о логической сущности производной функции...». Поскольку Платон, как следует из ОАСМ, уже пользовался в своем мышлении всеми преимуществами инфинитезимальности, Лосев считал Платона «первооткрывателем» (или, по меньшей мере, провозвестником) этой математической дисциплины.

1.5. Дело специалистов по математической логике разбираться с намеченным Лосевым синтезом форм мышления и логики инфинитезимальности по существу. Нам здесь доступна и важна лишь сама эта установка в плане ее принципиальных устремлений и того места, которое она занимает в общей структуре философской позиции Лосева.

1.6. Оставаясь на этой — внешней по отношению к существу дела — точке зрения, рискну поделиться некоторыми наблюдениями относительно общего характера лосевской позиции того времени. Выскажу из них два, весьма, на мой взгляд, существенных: одно — очевидное, другое, возможно, несколько неожиданное. Не требующим дальнейших обоснований представляется то, что Лосев — в контексте предпринятой здесь реконструкции и интерпретации — должен быть отнесен к числу тех немногих, европейских, но в том числе и русских, мыслителей, которые многое предвидели и, в частности, предвосхитили эру внедрения математики в гуманитарные науки уже в 20-е и особенно в 30-е годы. Я помню, как в 70-е гг. на лекции в МГУ О.С. Ахманова, вещая ex cathedra в самой большой аудитории Первого гуманитарного корпуса, провозгласила себя бабушкой математической лингвистики. Во время подготовки ОАСМ к печати ей было чуть за 20, а в 54 году, к которому Мельчук относит зарождение математической лингвистики⁵, — под 50, так что относительно ОАСМ и ДОМа⁶ Ахманова не бабушка, а скорее внучка математической лингвистики, если вообще состояла с ней в родстве (о сомнениях на этот счет см. у Вяч. Вс. Иванова⁷). Если же брать в расчет античность — особенно в лосевской интерпретации, — то рассуждения о зарождении математической лингвистики в XX веке теряют всякий смысл.

Совершенно очевидно также, что ее признанные создатели — будь то Е. В. Падучева (35 г. р.) или И. А. Мельчук (32 г.р.) — работ Лосева по математике и языку не знали, а главную — ДОМ — и не могли знать. Так что на роль прародителя мог бы претендовать скорее Лосев (наряду с Флоренским), но он прекрасно понимал, что был в этом ряду далеко не первым. Прародителем математической лингвистики, по Лосеву, повторюсь, был Платон.

1.6. Лосев всегда пристально и благожелательно следил за процессом внедрения математических методов в гуманитарную сферу (особенно в связи с развитием структурализма), подробно комментировал научные поиски в этом направлении, часто

⁵ см. «Как начиналась математическая лингвистика», URL: <http://lyapunov.vixro.nsu.ru/?el=698&mmedia=PDF>

⁶ Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. Издательство Academia, Москва, 2013. 800 стр., 60x90 1/16. Тираж 800. ISBN 978-5-87444-397-9. В дальнейшем — ДОМ.

⁷ Буря над Ньюфаундлендом. Из воспоминаний о Романе Якобсоне // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. — М.: РГГУ, 1999. — С. 235. — ISBN 5-7281-0261-1.

оставаясь в то время непонятым. Что же касается структурализма, то вопреки распространенному мнению Лосев отнюдь не отметал его, что называется, с порога: напротив, он стремился поддержать и обогатить соответствующие тенденции в гуманитарных науках. Напомню, что через много лет после окончания ожесточенных баталий на этом фронте крупный структуралист С.К. Шаумян, один из главных объектов лосевской критики 60-х - 70-х гг., признал ее правомерность и плодотворность: Лосев, писал Шаумян в 1999 году, совершил «самое важное открытие со времен 30-х годов», осуществив «радикальную концептуальную реконструкцию классической семиотической парадигмы». Имеется в виду *двуслойность* значения всякого высказывания, обусловленная двуединством коммуникативных и предметных слоев смысла, которые — значимый момент! — могут как совпадать по вектору, так и действовать разнонаправленно⁸ (интерпретация Шаумяна частично соприкасается с предлагаемой ниже трактовкой двухаттенциональной инновации Лосева).

1.7. Второе наблюдение представляется не столь тривиальным. Математический разворот Лосева конца 1920-х -- 30-х годов (получивший отражение уже в потаенной математической подоплеке лосевской интерпретации соотношения идеи и эйдоса у Платона в ОАСМ), свидетельствует, на мой взгляд, о произошедшем в то время радикальном *сдвиге в лосевской философской позиции в целом*. Лосев пишет в цитированных математических работах (да и в ОАСМ) о чистом мышлении, присматривается к происходящим в нем процессам, стремится выявить присущие ему закономерности и т.д. Таким образом (сразу раскрою, что имею в виду под сдвигом) Лосев, который в начале и середине 20-х годов писал об этих же предметах, ориентируясь преимущественно на языковую сферу, — сменил *вектор своего внимания с языкового на чистое — неязыковое и/или внеязыковое — мышление* (и сознание). Здесь Лосев исходит из того, что *самодвижение математического смысла* в сознании может происходить и без участия языка.

Почитателям Лосева, канонизированного в образе «рыцаря имяславия» (в свою очередь истолкованного донельзя упрощенно) интересующий нас сдвиг покажется настолько радикальным, что дело может дойти до «оскорбления чувств». Тем не менее для постановки этого вопроса есть серьёзные основания. Дело не ограничивается косвенными признаками (так, во всей книге ДОМ нет ни одного значимого позитивного упоминания естественного языка: здесь говорится о языке математики, языка логики и т.д., Лосев предостерегает от чрезмерного доверия к естественному языку, поскольку тот может послужить «помехой» для чистой мысленности (См. в книге ДОМ: «Автор настоящего исследования имеет такие диалектические мысли, которые кажутся ему предельно ясными, но он не может этого сказать решительно о всяком своем слове, так как воплощение сложных диалектических построений в словах всегда означает напряженнейшую борьбу с человеческим языком, который упорно и даже отчаянно сопротивляется, когда его заставляют выразить что-нибудь отвлеченное. Поэтому надо еще раз обзреть всю нашу диалектическую аксиоматику, минуя детали, но лишь соблюдая единство картины, чтобы добиться и

---

⁸ Шаумян С.К. Диалектические идеи А.Ф. Лосева в лингвистике // Образ мира — структура и целое. М., 1999, с. 376.

в словах той абсолютной ясности, которая присуща прочно продуманной мысли...»). В текстах Лосева есть и недвусмысленно сформулированные высказывания, свидетельствующие о смене установочного постулата.

2. Выражение/понимание/чистая мыслимость.

2.1. Ранее при обращении к проблемам мышления и сознания Лосев исходил из постулата об архетипичности *выражения*, в связи с чем язык толковался как архетипически выразительный и потому выражающий *нечто* феномен, который — в силу своей архетипичности — наделялся у Лосева способностью наряду с выразительностью конституировать именуемые сущности (случай имяславского самоименования). Замечу наперед: современные европейские математики считают, что именно за счет называния некоей только помысленной сущности, русские имяславцы придавали ей статус существования и тем выигрывали дело (самый распространенный пример, в частности, у Грэхэма, — понятие множества).

2.2. Ранний Лосев, действительно, думал схожим образом. Теперь же, в математических работах Лосев выдвигает иной постулат, согласно которому математика и связанное с ней сознание требуют, в отличие от требований к языку, не выразительности, а *чистой мыслимости* (они тоже выразительны, но в другом смысле — см. ниже). *Вместо выражения вступает в силу чистое мыслеразвитие.*

Это весьма сложное и спорное для многих понятие (причем весь конец XX века спорили, оказывается, напрасно, с имяславцами). Оно основано на мышлении, не имеющем словесно-выразительного облачения, а потому и не предполагающем того — герменевтического — типа понимания, с которым мы имеем дело при словесном выражении. Здесь мы понимаем через язык, а в математике такого смыслового слоя понимания нет, т.е. нет необходимости понимания дополнительного к чистому смыслу «выражающего» слоя. Мысль понимает мысль непосредственно (о непосредственном понимании без материальных облачений понимания говорил и Флоренский — это один из латентных постулатов имяславия). Аналогичный постулат имплицитно присутствует и в ОАСМ, где **нет** отождествления идеи с именем, как нет и подробной разработки темы *имени вообще*. Принято считать, что у Лосева вектор развития идет от Платона, не отождествлявшего сущность и имя, к Проклу, предполагавшему такое отождествление, однако, согласно моим наблюдениям, Лосев двигался в противоположном направлении: от отождествления имени и сущности (идеи) — к их разведению, т.е. от Прокла к Платону.

2.3. Вернемся к фиксации обещанной особой выразительности математики. Формально архетипы в чистом («математическом») мышлении те же — идея и эйдос, — но теперь они относятся не к имени и выражению (как, напр., в «Философии имени»), а к мышлению как таковому и к его математическим (прежде всего «инфинитезимальным») характеристикам, т.е. интегральности и дифференциальности: *«число, будучи в основе своей вне-выразительно и до-выразительно, дорастает до выразительных форм. В специальном анализе математических категорий мы увидим, что двухмерность, трехмерность и т. д. весьма часто выступают в математике под видом самых обычных понятий и что математика в этом смысле есть наука и о выразительных формах. Но разумеется, здесь — только специфические выразительные*

формы, не всякие, и выбор их строго определен характером того первоначального отвлеченного смысла, в отношении которого существуют эти выразительные формы в математике. Между прочим, как раз этой своей принципиальной выразительности математика обязана своей достоверностью. Конечно, это не единственная причина математической достоверности. Но все-таки то обстоятельство, что бытие, которым занята математика, не требует понимания, а только мышления, что математика требует чистой мыслимости, а не выразительности (NB — Л.Г.), это обстоятельство не могло не упростить ее предмета в смысле адекватности уразумения, и оно не требовало от человека кроме мышления еще и выразительного понимания, способности, разная степень которой очень и очень сказывается на кругозоре человеческого сознания и часто заставляет его создавать весьма уродливые и искаженные формы. Математика нуждается только в мышлении, а не в понимании; и в этом ее полная противоположность с филологией, которая, по старинному и прекрасному определению А. Бека, есть всегда “понимание понятого” ... математика растет и падает вместе с мышлением. Если мышление функционирует, математика создается; и если оно прекращается, прекращается и математика» (там же).

2.4. Этот радикальный сдвиг 30-х годов, обусловивший переключение фокуса внимания с языкового на неязыковое, чистое мышление, представляется мне очевидным, но он, безусловно, нуждается в специальном рассмотрении и поэтапном осмыслении, поскольку последствия такого анализа могут оказаться слишком серьезными, чтобы говорить об этом вскользь. Здесь на передний план выдвигается тройная категориальная антиномия к выразительности добавляется двоица *понимаемость / мыслимость*. Речь, конечно, не о том, что можно понимать, не мысля, или мыслить, не понимая; суть дела в том, что вниманием Лосева завладевает новая смысловая антитеза, которую по праву можно считать еще одной фундаментальной лосевской двоицей.

2.5. Кроме всего прочего, здесь встает вопрос о природе интересующего нас сдвига: носил ли он принципиальный, итоговый характер или был временным «отклонением»? Ведь, как известно, Лосев впоследствии вернулся и к пристальному рассмотрению языковой тематики (уже в 40-е годы), и к воспроизведению постулата об архетипической значимости выражения (в частности, на этом постулате зиждется все «второе восьмикнижие» — «История античной эстетики»), так что и этот вопрос тоже требует отдельного рассмотрения.

3. Дискурсивная инновация Лосева.

3.1. И, наконец, вернемся к более подробному рассмотрению дискурсивной инновации Лосева в ОАСМ — *весьма оригинального синтеза феноменологии и диалектики*.

Как соотносится платоновская двоица эйдос/идея с методологическим синтезом, где она локализована там?

В конечном итоге я пришла к выводу, что наиболее полно диалектический смысл соотношения эйдоса и идеи проявляется, как это ни странно, в лосевских построениях *феноменологического* характера, точнее, — в области синтеза феноменологии и диалектики, производимого в рамках осуществления инновационного

синтетического замысла. Именно здесь корневой исток той лосевской инновации, о которой говорилось выше (замысел методологического синтеза, в том числе диалектики и феноменологии).

Есть своя логика в том, что при разработке диалектического аспекта соотношения идеи и эйдоса Лосев привлек феноменологию; неожиданным представляется на первый взгляд то обстоятельство, что феноменология выступает здесь отнюдь не на вторых ролях (как это бывало в ранних лосевских текстах), а выдвигается на передний план. Понятия идеи и эйдоса, говорит Лосев в ОАСМ, по существу тождественны, но они разнятся — фиксирую внимание читателя — *«в своем феноменологическом функционировании»*; иными словами, в деле различия эйдоса и идеи приоритет отдается Лосевым именно феноменологии их феноменологическому функционированию (в то время как большинство исследователей отождествляли, напомним, эйдос и идею Платона).

3.2. Эта мысль настолько важна для развития нашей темы, что есть смысл привести соответствующий значимый фрагмент в более полном виде. *«В случае с "идеями" сказано только, что нечто, выделенное из прочего, запечатлевается в качестве цельного, единого лика. (Скорее всего это аллюзия к Флоренскому. – Л.Г.). В случае же с "эйдосом" сказано, что нечто, выделенное из прочего, обязательно отлично от этого прочего; и сколько бы мы ни выделяли таких предметов, все они будут отличны друг от друга. Тут прекрасно видно, как понятия эйдоса и идеи, по существу тождественные, разнятся в своем феноменологическом функционировании, что так или иначе, иногда ясно и четко, иногда неясно и едва заметно, отражается и на языке».*

3.3. Та же роль отдана феноменологии и в реализации исходного (и остающегося главным по насыщенности) тезиса *о разведении понятий идеи и эйдоса по параметру интегральность/дифференциальность*. Сама природа этого параметра лежит в русле феноменологического созерцания. В самом деле, Лосев исходит здесь из направления взгляда (фокуса внимания), определяющего то, на что мы «решили» смотреть; мы видим идею или эйдос, только сам предмет или вместе с его окружением, центр или периферию «по своему усмотрению», всегда имея возможность изменить направление взгляда. При изменении направления взгляда мы видим в одном и том же предмете разное — идею или эйдос, *но одно без другого усмотреть невозможно*.

Поскольку этот момент представляется чрезвычайно важным в контексте нашего подхода, приведу (с некоторыми сокращениями) исходную формулировку еще раз: *«И "эйдос", и "идея" указывают на некое видение, ...непосредственно созерцаемую данность. ... Можно обратить внимание на качественное своеобразие этой данности и в дальнейшем сосредоточить свое внимание не на самом составе этого своеобразного содержания данности, а на отличии его от всего прочего, что ее окружает... С другой стороны, мы можем так и остаться в сфере созерцания своеобразия непосредственно данного нам предмета, направляя свое внимание на различные детали этого предмета... Разумеется, немислимо ни фиксирование периферии без созерцания непосредственной данности предмета, ни это последнее без фиксирования периферии. Однако это две разные устремленности сознания на предмет и, след., два разных момента в самом предмете. Первый момент...*

связывается с понятием эйдоса, второй — с понятием идеи. Эйдос обладает, стало быть, дифференциальной природой, идея — природой интегральной. И то и другое указывает на одно и то же, на один и тот же так или иначе видимый предмет. Но то и другое выделяет в этом предмете разные абстрактные моменты».

В классической феноменологии речь идет примерно о том же самом — о разных фокусах внимания (*аттенции*), профилях, рельефах, модальностях, состояниях и т.д. интендированного предмета (созерцаемой смысловой предметности) – при том, что «вид» предмета постоянно меняется в зависимости от характера аттенционального взгляда, т.е. — как и у Гуссерля — от ноэсы.

3.4. Но Лосев одновременно настаивает на том, что самодвижением обладают и ноэмы. Условно говоря, все, что есть в классической феноменологии, есть и у Лосева (пускай в свернутом виде), но не все, что имеется у Лосева, содержится в феноменологии того времени. Лосев привнес в феноменологию по меньшей мере две инновационные идеи: во-первых, идею одновременного наличия именно двух, и при этом антитетичных, направлений внимания и, во-вторых, идею *неаттенционального движения ноэм*.

Поскольку обе эти лосевские идеи носят отчетливо выраженный диалектический характер, напрашивается следующий вывод: по мнению Лосева, ни феноменология, ни диалектика не могут обеспечить целостность нашего созерцания и понимания предмета «в одиночку». Действительно, изнутри мышления самой феноменологии, носящего преимущественно дескриптивный характер, едва ли возможно обосновать как сам факт обязательного наличия антитетических «рельефов» предмета, так и — тем более — системообразующую роль антитетики в конституировании предметности как таковой. Почему созерцание аттенциональных разновидностей интендированного объекта подчинено принципу дуальности? Почему мы антитетически сопоставляем именно два, а не три или четыре «рельефа», при том, что количество рельефов, включая типологические, гораздо больше? И что мы на самом деле видим при таком «дуалистическом» совмещении фокусов внимания? Два интенциональных объекта? Или — два аттенциональных предмета? Или — один интенциональный, другой — аттенциональный?

3.5. Двухаттенциональность интенции. Убедившись в том, что отношения между эйдосом и идеей, обусловленные дифференциально-интегральной (антитетической) природой лежащих в их основе инфинитезимальных закономерностей, Лосев, судя по всему, увидел в категориальной двойце идея/эйдос своего рода базовую матрицу, на фундаменте которой можно было бы осуществить всеобъемлющий методологический синтез, *который вобрал бы в себя, наряду с новейшими достижениями математики, феноменологии, и неокантианства, историческое наследие диалектической мысли (с особым акцентом на платонизме и неоплатонизме)*. По-видимому, Лосев теоретически допускал, что в философии уже существовали зачатки такой мета-методологии как в лице отдельных мыслителей-провозвестников, так и на уровне некоторых исторических направлений, школ и эпох. Во всяком случае, как мы уже отмечали, в ОАСМ и в более поздних трудах Лосев говорил об одновременном (хотя отчасти имплицитном и спонтанном) применении

Платоном диалектических методов и интеллектуальных технологий, получивших дальнейшее развитие в феноменологии, неокантианстве и математическом анализе.

Хотя замысел диалектико-феноменологического синтеза не получил полного и развернутого воплощения, есть все основания утверждать, что Лосев вывел феноменологию и диалектику на одну смысловую сцену на правах равноправных протагонистов, вступающих во взаимоотношения, одинаково необходимые не только для обеих сторон, но и для всего «интеллектуального действия» в целом, ибо без них не могут быть реализованы ни перипетии, ни кульминация, ни развязка.

3.6. Не исключено также, что говоря о втором параметре различий между эйдосом и идеей (статичность первого и динамичность второй), Лосев имел в виду перспективу достижения именно этой цели — цели обогащения принципиально статичной (по лосевской оценке) феноменологии за счет ее «скрещения» с принципиально динамичной диалектикой. Иными словами, здесь могло быть заложено стремление *обогащить феноменологию при помощи диалектики, т.е. придать ей динамический импульс, дабы приобщить ее к совместным усилиям по обеспечению благоприятных условий для самодвижения смыслов*. Но и диалектика, в свою очередь, тоже могла понималась при этом Лосевым как получившая полезный импульс от тесного взаимодействия с феноменологией; если даже это и не было задумано с самого начала, то по ходу дела сближение методов, действительно, как увидим, выглядит у Лосева как взаимовыгодное.

Помимо в феноменологию динамического импульса, диалектика, обладающая, наряду с повышенной категориальной продуктивностью («генетичностью»), склонностью к «бинарно-координатному конструированию», принесла в дар этому методологическому союзу (и лосевскому инновационному проекту в целом) более упорядоченную структуризацию движения созерцающего взгляда: в частности, в феноменологии получил обоснование тезис о *неотмысливаемости исходного наличия именно двух* — и при этом антитетичных — направлений внимания (не одного, но и не трех или пяти). По мнению Лосева, феноменология не обладает ни динамичностью (о чем уже говорилось), ни способностью к антиномическому конструированию, ни навыками обращения с соответствующими структурами: *«феноменология не переходит от одного цельного эйдоса к другому, с тем чтобы и тут составить свою особую специфическую антиномическую систему. Конечно, она тоже объединяет эйдосы между собою, но это объединение всегда происходит в ней по типу объединения целого со своими частями, а не по какому-нибудь иному типу... Феноменология не умеет показать, как одна категория порождает другую, равноправную ей, категорию же, а только занимается тем, как суммируются между собою моменты в пределах одной и той же категории и как суммируются между собою категории как части чего-то общего и целого»*⁹.

Восполнить этот «недостаток» феноменологии способна диалектика: «феноменология потому не может связать идею с действительностью, что она численно-суммативна, а не категориально-генетична. Диалектика же есть смысловой генезис именно категорий, понятий, законченных цельностей, имен» (там же).

⁹ см. <http://psylib.ukrweb.net/books/lose000/txt055.htm>

Диалектика, напомню, восполняет, по Лосеву, и трансцендентализм (неокантианство), но делает это иначе: «В другом отношении восполняет диалектика трансцендентальную методика. Если феноменология слишком аритмологична, то трансцендентализм слишком функционален. Феноменология видит категориальные эйдосы, но не может их эйдетически же связать, объяснить один эйдос другим. Трансцендентализм, наоборот, умеет объяснить эйдетические связи, но не видит того, что он объясняет». (Это про кантовский дуализм: Лосев всегда умел формулировать общепризнанные достоинства так, что они становились чуть не недостатками).

3.7. Как уже отмечалось, ситуация далека от односторонности: феноменология тоже является к «синтезатору» не с пустыми руками. Она привносит в свой союз с диалектикой *теорию и практику чистого (умного) созерцания*, необходимую для обоснования разных, в том числе и антиномичных, типов видения одного и того же интенционального объекта; конечно, это относится в первую очередь к единству и различиям идеи и эйдоса как «матричной» антитезы. В платоновской феноменологии Лосев не находил подходящих инструментов для решения проблемы идеи и эйдоса («*"Эйдос" и "идея", несмотря на феноменологическую позицию, отчасти продолжают быть бесцветными*»), иное дело — феноменология в том виде, какой она приобрела к концу 1920-х годов. Имея в виду именно новейшие достижения феноменологии, Лосев признает, что они могут послужить на пользу «самой» диалектике: *«Итак, от трансцендентализма диалектика берет породительно-объяснительную точку зрения, отказываясь, однако, от его функционализма, от феноменологии же — ее созерцательность и картинность, отказываясь от ее статически-суммативной дескриптивности»*¹⁰; это и означает, что диалектика заимствует у феноменологии технику умного (в платоновском смысле) видения. Каким бы ни был первоначальный замысел Лосева (скорее всего он рассчитывал «усовершенствовать» только феноменологию за счет подключения диалектики), в конечном итоге подключение феноменологии сослужило диалектике хорошую службу — помогло лишней раз подчеркнуть *универсальность диалектики*. В самом деле, обоснование наличия в любом и каждом созерцании (как и в любом и каждом полагании) двух антитетических профилей объекта — весьма ценное приобретение для диалектики вообще, и для такого диалектика, как Лосев.

3.8. Остается разобраться с аттенцией и интенцией на фоне эйдоса и идеи. Мысль Лосева характеризуется здесь принципиальной двунаправленностью. С одной стороны, различие по дифференциально-интегральной оси описывается «извне» созерцаемого предмета, т.е. как схватываемое за счет фиксации особенностей исследовательского акта внимания — его типа, направленности и пр.; иными словами, причина различия усматривается в *изменении аттенции при единой интенции*.

Вместе с тем эти аттенциональные различия толкуются Лосевым не как результат произвольного, т.е. внешнего по отношению к интенциональному объекту, смещения направления взгляда, но как отличия, детерминируемые *изнутри самого предмета* (этот мыслительный ход следует понимать в духе имяславия, согласно

¹⁰ см. ОАСМ, <http://ligis.ru/psylib/090417/books/lose000/txt055.htm>

которому предметная сущность «дает» субъекту и себя, и свое имя; отсюда недалеко и до софиологии).

Если так, то, по мысли Лосева, интересующие нас антитетические аттенции оказываются предопределенными не только ноэтически, но и ноэматически. Антитетические аттенции способны породить такие матричные «интенциональные двоицы», как идея и эйдос, не только потому, что такова собственная природа аттенций, но и оттого, что соответствующие структуры наличествуют в самом интенциональном объекте (в конце концов и у Гуссерля ноэмы даются сознанию -- и при этом в разных рельефах). Иными словами, *антитетические* «аттенциональные двоицы» функционируют в интенциональном объекте, подчиняясь не только диалектическим, но и феноменологическим закономерностям. Это, собственно, и имел в виду своим новшеством Лосев: по Лосеву, при созерцании предмета нельзя не усматривать в нем одновременно и идею, и эйдос, которые -- в их платоновско-лосевской интерпретации -- имеют равную онтологическую природу и соответствующий статус. Из этого следует, что категориальная пара идея/эйдос приобретает черты *фундаментальной диалектической оппозиции* (аналогичной оппозиции покоя и движения, которые суть покой и движение какого-то одного, но при этом любого и каждого предмета).

4. Диалектическая пара или двоица?

4.1. И все же, по нашему ощущению, идея и эйдос не диалектическая оппозиция, а «всего лишь» аттенциональная двоица. Ниже будет показано, что для Лосева образцом подлинной диалектической оппозиции служила категориальная пара *дифференциальность/интегральность*, максимально насыщенная концептуальным смыслом и способная повысить категориальный статус аттенциональной двоицы идея/эйдос.

Сфокусировав внимание на том неочевидном для классической феноменологии обстоятельстве, что в любом и каждом интенциональном акте одновременно присутствуют *две* антитетичные и неотмысливаемые — аттенции, Лосев обосновал тем самым (с помощью диалектики) и *феноменологическую инновацию* — тезис о двухаттенциональности каждого интенционального акта сознания: одна аттенция дает *идею* предмета, другая — его *эйдос*. Рассмотрим этот тезис с разных сторон.

Мне представляется очевидным, что в ОАСМ Лосев мыслил именно в этом направлении, но в неблагоприятные обстоятельства помешали Лосеву реализовать задуманную инновацию в сколько-нибудь развернутой форме. Однако мы, тем не менее, можем с некоторой долей уверенности судить не только об общем характере лосевского замысла, но и о его телеологии.

На нее указывает константный лосевский тезис о существовании такого универсального феномена, как *саморазвитие смысла*. При этом разные методологические подходы способны уловить разные стороны этого феномена. Диалектика, по Лосеву, знает о саморазвитии смысла, феноменология — нет, поскольку она созерцает данное и движется в основном вослед ему. Что же касается языкового сознания, то оно может выбирать пути и формы смыслового движения (что угодно можно выразить как угодно, -- говаривал Лосев). Более того, язык способен

двигать гуссерлевыми ноэмами (если это черное, то не белое, и пр.), т.е., представляя выразительный слой смысла, язык, тем не менее, обретает силу диалектики.

4.2. Преимущество феноменологии состоит в непосредственной близости к предметной сущности, но и языковое сознание отнюдь не обречено на произвольность. И на уровне языкового выражения может быть достигнута адекватность по отношению к сущности, при том что языковое высказывание может уловить формы и оттенки движения смысла, недоступные для других подходов.

4.3. Но вернемся к нашей теме. Согласно замыслу Лосева, результатом внедрения диалектики в процесс феноменологического созерцания (в плане придания ему антитетического импульса) должно было стать «переформатирование» феноменологического созерцания в целях достижения как можно большей (в пределе – полной) адекватности по отношению к самодвижению смыслов, определяемых самой предметностью, -- в отличие от более или менее произвольных смыслов, затронутых разного рода акциденциями (аттенциональными, абстрактно-логическими, лингвистическими и т.д.). Таким образом, речь идет — если это не фантастика — о *самодвижении ноэм вне даже языка, о самодвижении априорности, причем типически-регулятивном*. Идея непростая, по своей глубинной сути не просто онтологическая, но религиозная, однако от этого аспекта мы здесь предпочитаем отвлечься.

4.4. Феноменолого-диалектический (или созерцательно-динамический) тип самодвижения смысла. Самодвижение феноменологически созерцаемых ноэматических предметностей, взятых вне зависимости от движения аттенции, — можно понять как вариант искомого Лосевым типа самодвижения ноэматического смысла, названного в ОАСМ смысл «созерцательно-динамический». На форе реконструируемого здесь методологического синтеза имеются основания (параллельно или даже ближе к делу) назвать его по месту генезиса *феноменолого-диалектическим*.

Вот сам Лосев: *«Теперь нам предстоит рассмотреть другой большой отдел – ... значение созерцательно-динамическое»*¹¹: это не что иное, как очевидное признание возможности динамических форм у феноменологического (обычно у Лосева — статично-созерцательного) смысла). Динамическим свойством обладает при этом и ноэма и эйдос: *«Созерцательно-динамический эйдос (NB — Л.Г.) дает смысл не в его пассивной смысловой значимости, но самую стихию смысла, смысл в его – смысловом же, ненатуралистическом – становлении»*¹².

4.5. Очередная на первый взгляд загадка! Во всяком случае нельзя не заметить радикальное изменение позиции Лосева относительно статичности/динамичности ключевых феноменологических категорий. Как это часто бывает у диалектика Лосева (и, в еще большей степени, у антиномиста Вяч. Иванова: *«И ночью света ослепил»*), то, что называлось ранее черным, вдруг становится белее белого. Если раньше ноэматический (в другой терминологии — эйдетический) смысл трактовался Лосевым как принципиально статический по своей природе, то теперь он объявлен высшей — «ненатуралистической» — формой самодвижения смысла как такового.

¹¹ <http://psylib.org.ua/books/lose000/txt015.htm>

¹² Там же.

Это именно самодвижение. Если снять все ноэтические импульсы к движению (перемещение аттенции, смена типа акта, модальности, тональности и пр.), а Лосев именно на этом и настаивает, то ничто, кроме самого смысла, не влияет, на первый взгляд, на движение созерцательно-динамической ноэматики. Но, конечно же, если отвлечься от религии и мистики, это не так: должен быть некий источник движения. И он есть, и не один (таких источников по меньшей мере два).

4.6. Речь идет о двух полярных возможностях: быть импульсом к движению ноэматики может, во-первых, «референт» (сущность, трансцендентное начало), во-вторых — не особость общих для всех сознаний ноэс, а особенности ноэс каждого данного сознания; во втором случае в перспективе, как понятно, имеется в виду динамический импульс точки наблюдателя, точки говорения (героя, автора), преломляющей призмы (точки рассказчика, нарратора, наррататора). Такого рода инстанций на сегодня выделено множество, по существу, они совпадают со всем местоименным циклом, от Я, Ты, Мы до Все, Никто, Некто. И, главное, с интересующей нас точки зрения — с точки зрения движения ноэтического смысла, -- все эти инстанции имманентны высказыванию, но перемещаются в его пределах, создавая разнообразные смещения, наложения, комбинации, что существенным образом влияют на смысл порождаемой речи. При этом такие перемещения по большей части не имеют чувственных языковых маркеров.

См., например, известное рассуждение Ю.М. Лотмана относительно интерпретации стихотворения Пушкина:

«Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фокусируются в едином центре, а конструируют некое рассеянное пятно-субъект, состоящее из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы. *«Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам... Так <?>, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий, Голодный лев следит оленя бег пахучий»*¹³.

*Ясно, что для выражений «ноздри пыльные» и «бег пахучий» нельзя подобрать единой точки зрения: первая будет иметь субъектом человека, наблюдающего льва, вторая — самого льва, поскольку человек не способен воспринимать след оленя как обладающий запахом, тем более резким («пахучим»). Но сочетания «голодный лев» и «пыльные ноздри» также не имеют единого субъектного центра, поскольку одно подразумевает наблюдателя, не конкретизированного в пространстве, а другое — созерцание льва вблизи, на расстоянии, позволяющем разглядеть пыль, покрывающую ноздри...»*¹⁴

Эта тематика чрезвычайно развилась в последнее время, но и к моменту издания ОАСМ она уже была широко известна (к тому времени обсуждались такие двуцентренные феномены, как пародия, типизация, сказ, ирония, и уже была

¹³ Пушкин А.С. Собр. соч. т. III, 1, 419

¹⁴ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М., 2000. — URL: <http://gogol.lit-info.ru/gogol/kritika/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/problema-tochki-zreniya-v-romane.htm>

обнародована полифоническая теория М. Бахтина, сплошь построенная на аналогичных вещах¹⁵. Мыслил такими категориями и П. Флоренский.

4.7. Собственно для Лосева периода 20-30-х гг. здесь важны две цели. Во-первых, показать, в чем и почему неправ, с его точки зрения, статически трактующий эйдосы Гуссерль. Во-вторых, развить свою инновационную точку зрения: если в диалектическом смысле различие типов самодвижения означает, что эйдос и идея олицетворяют собой некую внешнюю динамику изменений между разными, но неразрывно взаимосвязанными типами смысла, переходящими один в другой, то в феноменологическом контексте эйдос и идея воплощают собой некую внутреннюю изменчивость — динамику смыслового движения внутри одного и того же определенно-данного и завершенного в себе смысла.

Именно в зоне самодвижения феноменологических смыслов локализовано зрелое лосевское имяславие, в рамках которого естественным образом возникли идеи «говорящего предмета» и «эйдетического языка», о которых я писала в порядке реконструкции принципиальных инноваций Лосева в области феноменологии и философии языка в целом.

4.8. Но вернемся к исходу лосевской мысли и попытаемся оценить смысловой потенциал лосевской инновации в пределах собственно феноменологического поля. Я думаю, что здесь можно разглядеть идею своего рода феноменологического самосинтеза: дело в том, что для Лосева всеобъемлющая полнота интенции сознания равна в пределе всей «самой» действительности — при том, что это равенство достигается в результате «реакции синтеза», в которую вступают различные исходные антитетические аттенции (это интерпретация: Лосевым такое положение напрямую не обосновывалось). Во всяком случае ясно одно: ни одна из аттенций феноменологического сознания не в силах дать сама по себе полное представление об интенциональном объекте. То же можно сказать и о диалектике.

4.9. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что феноменологическое созерцание каждого интенционального объекта отнюдь не предполагает только одну пару антитетических понятий. Любая идея может порождать множество эйдосов за счет аттенциональных перемещений, и с большинством из них идея вступает в антитетические отношения (создает новые *антитетические пары*). Из этого можно вывести постулат, кажется, отвечающий духу лосевского замысла: феноменологическое созерцание состоит из подвижной и алгоритмически организованной серии антитетических пар с идеей, и — так, видимо, — можно понять Лосева — именно это множество пересекающихся за счет идеи пар конституирует единое созерцание и придает смыслу этого созерцания особого рода самодвижение, двигателем которого является идея.

Нетрудно заметить, что эта траектория движения смысла имеет сходство с конфигурацией математического движения смысла. Сколь бы беспорядочными ни представлялись взаимные «столкновения» и «скрещения» антитетических феноменологических пар с общей для них идеей, за этим кажущимся хаосом просматривается некая регулятивная закономерность, отвечающая глубинной природе

¹⁵ Бахтин М. Проблемы Поэтики Достоевского. М., 1929.

диалектической и феноменологической установки. Прописать эти закономерности в более строгом и развернутом виде едва ли возможно в рамках традиционного философского дискурса, поскольку Лосев ориентировался на смысловую энергию математики, детерминирующую все прочие типы и конфигурации движения смысла. Так что решающее слово на этот счет, по идее, должны будут сказать эксперты по математическому дискурсу.

5. Лосевский тип сосуществования математики и гуманитарных наук.

5.1. Но математикой дело не исчерпывается: к нашей теме имеют непосредственное отношение последние достижения гуманитарных наук, которые мы уже частично затрагивали в связи с Бахтиным и Лотманом. Для нас особенно важны и интересны феномены, аналогичные тем, которые активно обсуждаются в последнее время в феноменологии (*расщеплению интенции, соответствию и/или расхождению нозс и нозм, опущению нозм и/или нозс и др.*) и нарратологии (расщепление голоса или самосознания героя, автора, нарратора, наррататора и др.). Понятие *расщепления интенции* относится к двум различным, но имеющим общую основу явлениям: к феномену *удвоения объекта* созерцания вследствие расщепления исходного объекта интенции за счет двойной одновременной аттенции, направленной на два объекта, и непосредственно к феномену *удвоения луча* интенции за счет его саморасщепления, т.е. за счет одновременного удержания в интенциональном фокусе двух (и больше) разных профилей единого интенционального объекта (см. об этом, в частности, у О.И. Генисаретского¹⁶). Если же иметь в виду, что, на взгляд Лосева, каждое созерцание содержит множество антитетических двоиц, в состав которых входит одна и та же идея, то траектории самодвижения феноменологически созерцаемого смысла приобретают сложные конфигурации, требующие специального осмысления, только посредством которого и можно выйти на адекватное понимание предметности.

5.2. Необходимо при этом держать в уме, что у Лосева в ОАСМ основной акцент сосредоточен на саморасщеплении не интенционального (как в современной науке), а *аттенционального* объекта, при этом сама интенция остается единой. Даже если я избираю своим интенциональным объектом многосоставный предмет, тот же *шкаф*, и созерцаю при его аттенциональном «ощупывании» десятки аттенциональных пар, эта моя интенция остается в себе единой и неделимой; даже если я в целях сравнительного рассмотрения шкафа посмотрю на окно («чужой» эйдос), исходная интенция останется той же самой, единой и неделимой. Все это возможно за счет свойственных сознанию процессов подразумевания. Это похоже на языковое описание предмета с разных сторон и различных точек зрения. Главным остается избранный предмет — будь то роза или комната Ставрогина (см. в сноске одно из первых пионерских описаний такого рода явлений у Б. А. Успенского¹⁷).

¹⁶ См. *Генисаретский О.И.* Доклад «Интенция как переживание: о категориальном созерцании, аппрезентации и развилках в раздумывании и проработке» (где утверждается что интенция как всякое «сложное состояние» и переживание «предполагают определенный процесс их сцепки или расщепления и т.п. действий в «деле мысли»). URL: <http://synergia-isa.ru/?p=9637>

¹⁷ В рассматриваемом отрывке, описывающем ночное путешествие Ставрогина по городу, герой почти исключительно дается со стороны, глазами стороннего наблюдателя. Эта отчужденность описания постоянно подчеркивается автором: автор все время говорит о выражении лица Ставрогина и вообще

5.3. Дух лосевского подхода предполагает и дальнейшие шаги в этом направлении. Поскольку антитетика генетически чревата умножением антиномий, постольку этот процесс в контексте лосевской мысли приводит к идее *антиномичности* эйдетически-идеальной двухаттенциональности. Эта идея представляется еще более непривычной и даже контринтуитивной.

Но действительно ли Лосев имел в виду нечто подобное (что эйдосы антиномичны своим идеям)? Действительно ли *идея и эйдос антиномичны в своей основе*? Это довольно смелое допущение, но я все же думаю, что Лосев на самом деле мыслил нечто подобное, например, в силу имяславской выучки: идея и эйдос должны были мыслиться им антиномичными настолько, *насколько антиномичны сущность и энергия*. И при этом они (как и сущность с именем) *полу-антиномичны: не по сущности, а только по энергии; не по генезису, а по функции*. По энергии идея и эйдос едины, как сущность и имя.

5.4. Понятие *энергии* раннего Лосева у срединного и позднего Лосева будет, на мой взгляд, тендировать к *функции* (в частности, к сфере структурализма). Не случайно, эта пара понятий ассоциировалась и ранним Лосевым: выше уже приводились цитаты, из которых видно, что идея и эйдос различались Лосевым именно (или — в том числе) по своему *феноменологическому функционированию*, в частности — за счет антитетически разной аттенциональной направленности сознания.

5.5. Мысль не только об одновременной, но и при этом антиномичной двухаттенциональности просматривалась и в исходном в ОАСМ обосновании различия между эйдосом и идеей: *«И "эйдос", и "идея" указывают на некое видение, видимость, ту или другую непосредственно созерцаемую данность... Можно обратить внимание на качественное своеобразие этой данности и в дальнейшем сосредоточить свое внимание не на самом составе этого своеобразного содержания данности, а на отличии его от всего прочего, что ее окружает... С другой стороны, мы можем так и остаться в сфере созерцания своеобразия непосредственно данного нам предмета, направляя свое внимание на различные детали этого предмета... Разумеется, немислимо ни фиксирование периферии без созерцания непосредственной данности*

о **внешних** признаках поведения, но почти не говорит о его мыслях и чувствах. Вместе с тем этот незримый посторонний наблюдатель, с точки зрения которого производится описание Ставрогина (в том числе и в тех случаях, когда тот совершенно один), как бы все время находится со своим героем - авторский объектив движется вместе со Ставрогиным, не перевоплощаясь в него. Мы следуем за Ставрогиным во всем его длинном ночном путешествии и видим то, что он должен был видеть. Например, комната, в которую входит Ставрогин, улица, по которой он идет, описываются такими, какими они ему должны были представиться, - а на самом же деле такими, какими их увидел посторонний наблюдатель, воспользовавшийся его перспективой. Ср. описание комнаты капитана Лебядкина: *«Николай Всеволодович осмотрелся; комната была крошечная, низенькая; мебель самая необходимая, стулья и диван деревянные, тоже совсем новой поделки, без обивки и без подушек, два липовые столика, один у дивана, а другой в углу, накрытый скатертью, чем-то весь заставленный и прикрытый сверху чистой салфеткой. Да и вся комната содержалась, по-видимому, в большой чистоте. Капитан Лебядкин дней уже восемь не был пьян; лицо его как-то отекло и пожелтело, взгляд был беспокойный, любопытный и, очевидно, недоумевающий: слишком заметно было, что он еще сам не знает, каким тоном ему можно заговорить... Вряд ли эта детальная картина передана глазами Ставрогина, это описание дается, скорее, по поводу того, что Ставрогин осмотрел комнату, но едва ли является результатом его впечатления от ее осмотра. Таким образом, здесь можно было бы говорить не о точке зрения, а о поле зрения Ставрогина. // Успенский Б.А. Поэтика композиции. // СПб.: Азбука, 2000. - 348 с. - (Academia). См. также <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm>, с 207.*

предмета, ни это последнее без фиксирования периферии. Однако это две разные устремленности сознания на предмет и, след., два разных момента в самом предмете (выделено мною — Л.Г.). *Первый момент, по моим тщательным наблюдениям, связывается с понятием эйдоса, второй — с понятием идеи». Здесь периферия и непосредственная данность подан как антиномичные.*

Можно указать и на другие высказывания Лосева, в которых проводится та же мысль, вполне узнаваемая, хотя и выраженная несколько иначе (мысль о необходимости одновременной двух- или много-аттенциональности и даже антиномичности двойцы идея/эйдос). Лосев настаивает, например, на необходимости заставить свою душу мыслить все знания *«под двумя (смысловыми) видами»* — (подробней см. в сноске¹⁸). Отметим, что здесь прямо оговорена и регулятивность феноменологического созерцания, о которой мы говорили выше, т.е. самодвижность ноэматического смысла.

6. Внутренняя цель лосевской дискурсивной инновации.

6.1. Постараюсь зафиксировать телеологию лосевской *дискурсивной* инновации. Наваянная размышлениями над терминологией Платона и ее математической составляющей, лосевская инновация, состоящая в вычленении и противопоставлении идеи и эйдоса в качестве двух — всегда наличных, неотмысливаемых, антидетичных, антиномичных и одномоментных — ипостасей любого и каждого созерцаемого (и мыслимого) интенционального объекта, остающегося единым, имела, как представляется вторичную подразумеваемую цель. Если описанная инновация верна, то без антидетического и даже антиномического расщепления аттенции невозможно формирование устойчивой интенции сознания и, стало быть, самого сознания как сколько-нибудь устойчивого образования (ноэматический мир начнет «глючить» и раскачиваться, а там, глядишь, и рухнет с непредсказуемыми последствиями).

¹⁸ Приведу начало процитированного в тексте лосевского рассуждения из ОАСМ про диалог Платона «Политик»: «Остальные 16 текстов «Политика» относятся к конкретно-спекулятивному значению; из них 9 текстов к чистому феноменологическому и 7 к отделительному диалектическому... необходимо найти в знании область политики и, отличивши ее от других областей, наложить на нее печать определенной идеи, равно как и другие ветви запечатлеть и обозначить одним сущностным смыслом, эйдосом, с тем, чтобы заставить свою душу мыслить все знания под двумя (смысловыми) эйдосами, видами. Образ *ἐπίσφραγίσασθαι* определенно указывает на завершительно-смысловую и конечно-оформливающую роль «идеи» и «эйдоса». Поэтому «идея» и «эйдос» в первом случае имеют конкретно-спекулятивное, феноменологическое значение с оттенком смысловой определенности и полноты. «Эйдос» во втором случае представляет уже встречавшееся нам соединение феноменологического значения с качественно-отделительным. Там и здесь чувствуется регулятивность. «Идея», кроме того, с обычным оттенком интегральности (ср. образ печати). Здесь любопытна разница словоупотребления в случае с «эйдосом» и в случае с «идеями». Слово «идея» употреблено так, что подчеркнут именно момент завершенности, сконструированности, интегральности (образ печати). Слово же «эйдос» употреблено как раз так, что совершенно ясной становится его отдельность, отличенность от иного, дифференциальность (смысл: какую бы из ветвей мы ни брали, каждой необходимо соответствует свой эйдос, причем *αλλο* — именно определение эйдоса). В случае с «идеями» сказано только, что нечто, выделенное из прочего, запечатлевается в качестве цельного, единого лика. В случае же с «эйдосом» сказано, что нечто, выделенное из прочего, обязательно отлично от этого прочего; и сколько бы мы ни выделяли таких предметов, все они будут отличны друг от друга. Тут прекрасно видно, как понятия эйдоса и идеи, по существу тождественные, разнятся в своем феноменологическом функционировании, что так или иначе, иногда ясно и четко, иногда неясно и едва заметно, отражается и на языке» (ОАСМ, (<http://psylib.org.ua/books/lose000/txt013.htm>)).

Невозможна, конечно, при таких условиях устойчивость и самого интенционального объекта: именно две или несколько антитетических аттенций образуют и удерживают, как арки свода, конкретный и устойчивый интенциональный объект. В конечном итоге получаем, что исходная антиномичная двоичность аттенции обеспечивает устойчивость основания феноменологии — ее нозматического слоя и самого понятия смысловой предметности. Существенным для лосевского контекста является также то, что в нем интенциональный луч и интенциональный объект при всех аттенциональных и нозматических динамических «происшествиях» остаются в себе единими: два антитетичных аттенциональных направления внимания и нозматические движения не разрушают их единства, а, напротив, поддерживают нозматическое единство внутренней структуры сознания и коррелятивность подвижного интенционального луча с его объектом.

6.2. По сути, мы имеем дело с *феноменологическим прочтением диалектики, или диалектическим прочтением феноменологии*, а в перспективе — с синтезированием двух подходов. Судя по результатам, такой синтетический подход к диалектике и феноменологии вполне органичен для Лосева, хотя он длительное время (10-15 лет предшествующей критике гуссерлевой диалектики) лишь подспудно созрел в недрах лосевской мысли и потому, не сразу рожденный, не сразу мог быть и явлен. Сама идея этого синтеза имеет отчетливую природу Лосева-всегда-диалектика.

С одной стороны, феноменология явно «напрашивалась» в лосевских текстах на подобное диалектическому ранжирование (регуляцию) даваемых ею профилей и рельефов смысловых предметностей (нозматики). Такое ранжирование (упорядочение и подчинение) могло прийти только со стороны, а, по Лосеву, наилучший инструментарий для выполнения этой задачи могла предоставить, разумеется, диалектика, которая в сфере видимых сознанием нозматических смыслов проявляет, делает видимым, и динамический антитетизм, также потенциально им свойственный.

Мы получаем результирующий тезис: *идея и эйдос есть два одновременно аттенциональных и антиномичных лица, образующих единый интенциональный объект*. Заметим, что речь не идет о синтезе: ни один из многочисленных эйдосов каждой данной идеи не может образовать с ним целостное синтетическое образование и объект созерцания. Это, вероятно, осталось главным для Лосева отличием феноменологии от диалектики.

6.3. С другой стороны, при большом интересе Лосева к набиравшему тогда силу феноменологическому методу константная лосевская установка на диалектический антиномизм тоже буквально «напрашивалась» на феноменологическую интерпретацию. Интерес к феноменологическому прочтению распространялся у Лосева не только на искомое обоснование антитетического характера различий между эйдосом и идеей, но и на всю антиномику диалектики в целом.

Вопрос для Лосева стоял ребром: способно ли феноменологическое созерцание выдержать проверку диалектикой (и наоборот)? Иными словами, необходимо было выяснить, к каким результатам приведет *феноменологическое созерцание тех смысловых процессов, которые известны как диалектические* (по мнению Лосева, это же относится к любым другим типологическим формам развития смысла: все они, пусть в разной степени, также должны подвергаться феноменологическому созерцанию

и анализу, как они поддаются анализу диалектическому (последняя идея Лосева известна с самых ранних его работ). Тем более значимо скрестить («взаимно поверить») архетипическое.

6.4. По всей вероятности, Лосев обдумывал проблему возможных форм синтеза феноменологии с диалектикой с самого раннего этапа творчества. Идею «двуипостасности» аттенции можно понять (даю гипотетическое толкование сути лосевской инновации) как промежуточный этап лосевского пути в этом направлении. Этот этап был весьма ответственным — потому что здесь надо было сделать выбор.

Напомню, что ранее, в ФИ¹⁹, Лосев говорил не о двух, а о пяти *типологических* формах *эйдетической предметности*, т.е. того, что видится в предмете умом; имелось в виду, что мы можем, меняя строго определенным образом ракурс и направление взгляда, менять в соответствии с этим и то, что мы видим в предмете, попеременно настраивая взгляд на созерцание в одном и том же предмете то одних, то других типологических форм проявления предметности как таковой — эйдоса, морфе, топоса, символа, идеи и т.д. Лосев выбрал в ОАСМ в качестве базовых эйдос и идею, хотя — замечу — эта пара практически ни разу не была у Лосева центральной в других работах (там, скорее, главенствовали категории из гнезда имя, символ, миф, эйдос, морфе, схема и др.). Почему не выделяется либо вместо идеи и эйдоса, либо наряду с ними — и на равных с ними архетипических правах — какая-нибудь третья обязательная аттенция, например, топос или иная пара, скажем, покой и движение? Символ/миф? Эйдос/символ? и пр.? Или те формы (например, четвертая и пятая по классификации ФИ), которые давали бы, скажем, выразительную двойцу *схема/морфе*? (Все эти разновидности форм смысловой предметности уже были подробно апробированы в ФИ и других лосевских работах).

6.5. Ответ прост и понятен: все названные понятия, включая *число* и *аритмологию*, Лосев упоминает в ОАСМ, но наделяет их менее высоким статусом, чем пару идея/эйдос — потому, что предметом рассмотрения в ОАСМ была античная терминология, прежде всего — Платона, а прицельная работа над платоновским словоупотреблением, обострив антиномическую интуицию Лосева, привела к пониманию *идеи* и *эйдоса* как *антонимов*, причем (существенное обстоятельство, подробно рассматриваемое в другой работе!) на фоне их всеобщего признания скорее как *синонимов*!

Такой выбор Лосева, в свою очередь, как раз и привел к «переключению» формально-логической типологии смысловых предметностей в диалектический, феноменологический интуитивный, математический и *аксиоматический* регистры.

7. Подключение к синтезу типов смыслового самодвижения математической и интуитивно- феноменологической — аксиоматической — дискурсивности.

7.1. Судя по всему Лосев считал аксиоматику в равной мере — и при этом генетически — присущей и диалектике, и феноменологии, и математике (присуща ли аксиоматика языку — вопрос отдельный). В то время все эти дисциплины обладали и

¹⁹ Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927.

могли похвастаться в этой сфере новейшими достижениями, иногда близкими по смыслу. Во всяком случае формы самодвижения смысла в феноменологии и математике часто демонстрировали параллельность своих передвижений. Существенно, что Лосев подавал идею применения языка математики к философскому дискурсу не как авторское нововведение, а, с одной стороны, в качестве экспликации и реконструкции имплицитной платоновской мысли (поэтому в ней далеко не сразу угадывается авторский замысел самого Лосева) и, с другой стороны, в качестве развития идей современных тогда течений (феноменологии, неокантианства и др.).

7.2. Аксиоматическая идея содержала и содержит несколько трудных мест для интерпретации, и Лосев сразу столкнулся с некоторыми из них. Так, например, по свидетельству Валентины Михайловны, жены Лосева, он — вопреки, наверное, ожиданиям многих — говорил о *недискурсивности математики* (ожидалось, что недискурсивной будет объявлена скорее всего феноменология — в силу свойственной ей, по Лосеву, «статичности»; математика же самодвижна и потому дискурсивна. Тем не менее у Лосева именно так. Цитирую из написанного Валентиной Михайловной предисловия к ДОМу:

«Наконец, интереснейшим способом рассмотрения математических учений является у Лосева вскрытие **интуитивной** (! — Л.Г.) основы этих учений. Лосев полагает, что раньше всяких формулировок у математика образуется некая смутная интуиция, принимающая иногда и очень ясные, отдельные формы, но всегда обладающая непосредственно наглядным (! — Л.Г.) и совершенно недискурсивным характером. Эта интуиция бесконечно богаче всяких формулировок, и она-то и есть подлинное творчество математика»²⁰.

7.3. Далее — сам Лосев, и, на первый взгляд, противоречащий. В разделе «Основные аксиомы числа» разрабатывается идея числа как суждения, аналогично классическим для имяславия тезисом об имени как предложении и о символе как свернутом мифе. Возникает сомнение: если число — суждение, то оно причастно к дискурсу, из чего, кажется, следует, что Лосев признает дискурс в математике, но исключительно как *аксиоматический* по своей природе. Если взглянуть в нижеприведенное объяснение математики, в нем можно усмотреть признаки ориентации не только на имяславие и симвонологию, но и на особенности феноменологического дискурса, тоже использующего аксиоматику.

Цитирую соответствующее высказывание Лосева: «Наша точка зрения в области математической аксиоматики должна быть совершенно иная. Нас интересует сама аксиоматика, аксиомы сами по себе. Философию здесь мы понимаем как смысловое уяснение и разъяснение самого же исследуемого предмета... Мы не будем решать и даже ставить вопроса о том, опытного или априорного происхождения математические аксиомы, условны ли они и произвольны или безусловны и абсолютно необходимы, суть ли они реальности или только явления нашей психики, нашей физиологии, нашего

²⁰ Лосева В.М. Предисловие к книге А.Ф. Лосева ДОМ — <file:///C:/Users/%D1%80%D0%BF/Documents/00%20%D0%90%D0%B7%D0%B5%20%D0%90%20%D0%A0%D0%93%D0%9D%D0%A4%20%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D0%94%D0%9E%D0%9C%20%D0%9B%D0%9E%D0%A1%D0%95%D0%92%20%D0%BE%D1%82%20%D0%A2%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE.pdf>

словесного аппарата. Таких вопросов очень много... (и они очень схожи с поставленными Гуссерлем – Л.Г.) и разрешать их здесь — это значит писать большой том и уклониться от существа вопроса. Нас интересуют сами аксиомы, сама аксиоматика, ее логическое и вообще смысловое содержание... И, только зная, что они такое по существу, мы могли бы ставить вопросы гносеологические или метафизические».

7.4. Заметим, что этот последний вопрос считался в русской философии вполне решаемым — напомним ситуацию с теорией множеств, когда русская математическая школа (Лузин) превращает в аксиому феноменологически узреваемое понятие (множество), а французская школа «дивится» наивной смелости русской мысли, но при этом признает ее правоту.

Я уже имела возможность подробно описать эту ситуацию. Вот эта же идея вкратце в виде самоцитаты: «в книге Лорена Р. Грэхэма и Жана-Мишеля *«Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве»*²¹... с некоторым недоумением признается возможность того, что это именно имяславие стимулировало процесс создания дескриптивной теории множеств в рамках московской математической школы ММШ, с которой связаны имена Н.Н. Лузина и его последователей — П. С. Александрова, А. Н. Колмогорова и др.; контакт с ММШ поддерживали и ученики Д. Ф. Егорова.

7.5. Интересно, что в русской рецензии на эту книгу возможность такого влияния имяславия отрицается²². Но каким же тогда образом можно обосновать опережение русской школой французскую? Грэхэм и Кантор утверждают, что, согласно Флоренскому и теории имяславия в целом, «именовать что-либо значит дать рождение новой сущности» (там же, с. 97) и что причина позитивного влияния имяславия на математику в том и состояла, что имяславское учение породило у русских математиков веру в то, что «акт именования творит существование типов множеств», после чего и стала создаваться теория этих призванных к существованию именованиям множеств. *Осторожные же французские математики*, пишет Бажанов, отрицающий влияние имяславия, «придерживавшиеся традиций рациональности, не смогли этого сделать в силу ограничений, которые накладывались на их творчество рационализмом»²³, т.е. — интерпретирую — французские математики потому и отстали в теории множеств, что изначально не утвердили путем именования существование самих множеств. «...Если Лузин, говорит Бажанов, и верил в независимое существование математических объектов (в духе платонизма), то это никак непосредственно не отражалось на его математическом творчестве», которое продолжало оставаться всецело рациональным (в самом высоком смысле этого слова) (там же).

---

²¹ Грэхэм, Лорен Р., Кантор, Жан-Мишель. «Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. Издательство Европейского университета, СПб., 2011 г.

²² Бажанов В.А. Имело ли место влияние имяславия на развитие математики? // Эпистемология и философия науки. Т. XXVI . №4, 2010.

²³ Там же.

Схожая ситуация усматривается в книге П. Серио о русской фонологии²⁴. Я о книге Серио. Книга посвящена евразийцам и одновременно структуралистам Jakobsonу, Трубецкому и др. Идея – наличие *парадокса между «странным» методом и высокими результатами*. Упрощенно говоря, именно Jakobson и Трубецкой создали фонологию, но, по мысли Серио, вопреки стремлениям: они думали, что нашли Индию, а открыли Америку, думали, что развивают (глубоко неверную, архаичную) теорию органицизма, а построили структурную феноменологию. Схожая ситуация усматривается в книге П. Серио о русской фонологии. Я о книге Патрика Серио, посвященной евразийцам и одновременно структуралистам Jakobsonу, Трубецкому и др. Идея – наличие *парадокса между «странным» методом и высокими результатами*. Упрощенно говоря, именно Jakobson и Трубецкой создали, но, по мысли Серио, фонологию, но — вопреки стремлениям: они думали, что нашли Индию, а открыли Америку, думали, что развивают (глубоко неверную, архаичную) теорию органицизма, а построили структурную феноменологию. Аналогичная ситуация сложилась в текстах П.Серио и с М.Бахтиным. Адепт разделенного самосознания и голосов героев Бахтин оценивается как автор тотального «героеведения»: *«Если в работах Бахтина фигурирует вопрос о жанрах, то не в том смысле, в каком эта проблематика передается французским словом «дискурс» вслед за Фуко или М. Пешо (MOSCOW, Pêcheux). Переведем, ради эксперимента, выражение «речевые жанры» как жанры речи («genres de la parole»), вместо «жанры дискурса» («genres du discours»), и исследуем последствия этого переводческого выбора. Кажется, появляется другое измерение: теория целостного, а не разделенного субъекта (выделено мной — Л.Г.), теория высказанного, а не высказывания, точка зрения персоналистская (? – у Бахтина?), этическая и монистическая, философия тотальности, чрезвычайно далекая от Бахтина, прочитанного через категории высказывания Бенвениста и разделенного субъекта Лакана – рецепция, типичная для франкофонного мира»²⁵. Такая неточность может быть объяснена, видимо, тем, что на момент написания этой статьи Серио не читал бахтинской книги о полифонии²⁶.*

7.6. Поскольку аксиоматика приписывается большинству методологий, приведем его понимание общей основы всех аксиом: *«Аксиоматика, говорит Лосев, вытекает из единого принципа, и принцип этот есть функционирование числа как суждения»*. Отличительное свойство суждения — наличие предиката.

Но ведь практически каждое лосевское понятие первого ряда можно трактовать как функционирующее в качестве предиката (имена — предикаты к сущности, символ — к подразумеваемому, миф — к символу; возможны и мены местами этих понятий...). И имя, и символ тоже, таким образом, функционируют как суждение (свернутое предложение). По сути дела Лосев везде, следовательно, подразумевал присутствие тех

---

²⁴ Серио, Патрик. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920-30-е гг. Москва: Языки славянской культуры. 2001.

или иных по конкретике форм самодвижения смысла, аксиоматики и предикатных структур.

8. Сдвиг в лосевском понимании соотношения между математическим и языковым сознанием.

8.1. Из всех узлов сопряжения разнородного у Лосева наиболее проблемной остается точка пересечения математики и языка. Уже говорилось о *сдвиге* от языкового, выразительного и коммуникативного сознания к сознанию неязыковому, математическому, не выразительному и не коммуникативному. За невозможностью поднять весь этот комплекс проблем, рассмотрим в заключение один, но значимый момент – вопрос о времени осуществления интересующего нас сдвига и длительности связанного с ним этапа в лосевском творчестве.

8.2. Вопросы языка находились в центре моего внимания на протяжении многих лет, что получило отражение в статьях о разных авторах, рассмотренных в различных ракурсах. Помимо многочисленных частных выводов, эти исследования, не замыкавшиеся ни на XX веке, ни на одной только русской философии, привели меня к заключению, что на сегодняшний день западноевропейская мысль переживает своеобразный кризис философии языка, проявляющийся прежде всего в утрате веры в значимость ее концептуального потенциала. Философия языка, с современной западной точки зрения, была в XX веке несколько (или сильно) переоценена.

Но не исключено, что Лосев и здесь оказался дальновиднее и на шаг опередил своих западных коллег: после вспышки интереса к имяславью наступил кризис середины 1930-х годов, выразившийся, кроме всего прочего, в относительном снижении статуса языка за счет повышения статуса математики, но период с 40-х годов до конца 80-х годов будет отмечен возвращением языка в поле зрения Лосева, однако язык вернется не в прежней роли явленной миру «звезды первой величины», но в качестве одной из несущих опор архетипического матричного «подземелья». Напомню, что аксиоматическая дискурсивная стратегия станет в последние годы одним из основных методов разработки Лосевым разнообразной, в том числе и языковой, проблематики — в частности, в его многочисленных аксиомах по структурализму. Вполне вероятно, что нечто подобное — взлет/кризис/повторный взлет — может повториться в недалеком будущем и с европейской философией языка.

Литература

Бажанов В.А. Имело ли место влияние имяславия на развитие математики? // Эпистемология и философия науки. Т. XXVI. №4. 2010.

Бахтин М. Проблемы Поэтики Достоевского. М., 1929.

Буря над Ньюфаундлендом. Из воспоминаний о Романе Якобсоне // *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования.* — М.: РГГУ, 1999. — С. 235. — ISBN 5-7281-0261-1

Генисаретский О.И. “Интенция как переживание: о категориальном созерцании, аппрезентации и развилках в раздумывании и проработке”. <http://synergia-isa.ru/?p=9637> (заседание семинара от 25.03.2013).

Иванов Вячеслав. Первый пурпур (1912) <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=13386>

Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. Издательство Academia, Москва, 2013. 800 стр., 60x90 1/16. Тираж 800. ISBN 978-5-87444-397-9.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. 1930.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927.

Лосев А.Ф. Хаос и структура, М.: Мысль, 1997.- 831с.

Грэхем Лорен Р., Кантор Жан-Мишель. Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. Издательство Европейского университета, СПб., 2011.

Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М., 2000.

<http://gogol.lit-info.ru/gogol/kritika/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/problematochki-zreniya-v-romane.htm>

Мельчук И.А. Как начиналась математическая лингвистика» // Очерки истории информатики в России / Редакторы-составители: Д. А. Пospelов, Я. И. Фет. - Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГТМ СО РАН, 1998. - 664 с.

Серио, Патрик. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920-30-е гг. Москва: Языки славянской культуры, 2001.

Серио, Патрик. Генерализовать уникальное: универсализировать индивидуальное – жанры, типы и сферы у Бахтина // Université de Lausanne, vol. XII, n°3, 2007. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/199>

Успенский Б.А. Поэтика композиции. // СПб.: Азбука, 2000. - 348 с. - (Academia). URL: <http://philologos.narod.ru/ling/uspen-poetcomp.htm>

Шаумян С.К. Диалектические идеи А.Ф. Лосева в лингвистике // Образ мира — структура и целое. М., 1999.

References

Bazhanov V.A. Imelo li mesto vliyanie imyaslaviya na razvitie matematiki? [*Has Onomatodoxy had an Impact upon Mathematics Development?*] Epistemologiya i filosofiya nauki. V. XXVI . №4. 2010. (in Russian)

Bakhtin M., Problemy Poetiki Dostoevskogo [*Problems of Dostoyevsky's Poetics*]. Moscow, 1929. (in Russian)

Burya nad N'yufaundlendom, Iz vospominanii o Romane Yakobsone [*Storm over Newfoundland. From Memoirs about Roman Jakobson*] In: Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya [Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies]. — Moscow, RGGU Publ., 1999. — Pp. 235. — ISBN 5-7281-0261-1. (in Russian)

Genisaretskii O.I. Intentsiya kak perezhivanie: o kategorial'nom sozertsanii, apprezentatsii i razvilках v razdumyvanii i prarabotke [*Intention as Emotional Experience:*

on *Category Intuition, Appresentation and Forks in Speculating and Outworking*]. <http://synergia-isa.ru/?p=9637> (zasedanie seminara ot 25.03.2013). (in Russian)

Ivanov Vyacheslav. *Pervyi purpur [First Purple]*, 1912. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=13386> (in Russian)

Losev A.F. *Dialekticheskie osnovy matematiki [Dialectical Foundations of Mathematics]*. Moscow, Academia Publ., 2013. 800 pp. ISBN 978-5-87444-397-9. (in Russian)

Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii [Essays of Ancient Symbolism and Mythology]*. Moscow. 1930. (in Russian)

Losev A.F. *Filosofiya imeni [Philosophy of Name]*. Moscow, 1927.

Losev A.F. *Khaos i struktura [Chaos and Structure]*, Moscow, Mysl' Publ., 1997.-831p. (in Russian)

Graham Loren R., Kantor Jean-Michel. *Imena beskonechnosti. Pravdivaya istoriya o religioznom mistitsizme i matematicheskom tvorchestve. [Naming Infinity. True Story about Religious Mysticism and Mathematical Creation]*, Evropeiskii universitet Publ., St.Petersburg, 2011. (in Russian)

Lotman Yu.M., *V shkole poeticheskogo slova [At the School of Poetic Word]*. Moscow, 2000. (in Russian) <http://gogol.lit-info.ru/gogol/kritika/lotman-v-shkole-poeticheskogo-slova/problema-tochki-zreniya-v-romane.htm>

Mel'chuk I.A. *Kak nachinalas' matematicheskaya lingvistika [The Beginnings of Mathematical Linguistics]* In: *Ocherki istorii informatiki v Rossii [Essays on the History of Informatics in Russia]* Editors: D. A. Pospelov, Ya. I. Fet. – Novosibirsk, Nauchno-izdatel'skii tsentr Publ., 1998. - 664 pp. (in Russian)

Seriot P. *Struktura i tselostnost': ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope: 1920-30-e gg. [Structure and Integrity: on Intellectual Sources of Structuralism in Central and Eastern Europe: 1920-1930s]*, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. (in Russian)

Seriot P. *Generalizovat' unikal'noe: universalizirovat' individual'noe – zhanry, tipy i sfery u Bakhtina [Generalizing the Unique: Universalizing the Individual – Genres, Types and Spheres in Bakhtin's Philosophy]* Université de Lausanne, vol. XII, n°3, 2007. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/199>. (in Russian)

Uspenskii B.A. *Poetika kompozitsii [Poetics of Composition]*. St.Petersburg, Azbuka Publ., 2000. - 348 p. - (Academia). URL: <http://philologos.narod.ru/ling/uspens-poetcomp.htm>. (in Russian)

Shaumyan S.K. *Dialekticheskie idei A.F. Loseva v lingvistike [Dialectical Ideas of A.F.Losev in linguistics]* In: *Obraz mira — struktura i tseloe [World's Image – The Structure and the Entire]*. Moscow, 1999. (in Russian)